

*Янина Алексеевна Алексеенко
Белорусский государственный университет, Минск*

**СПЕЦИФИКА РЕЦЕПЦИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА У. ШЕКСПИРА
В БИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ К. РАША «ЗАВЕЩАНИЕ ШЕКСПИРА»**

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика рецепции шекспировского наследия в романе К. Раша «Завещание Шекспира», который обращается к традиционному осмыслению жизни драматурга сквозь призму его творчества и использует биографический подход к толкованию канонических текстов. Автор создает роман синкретического типа, сочетая характерные черты различных модификаций жизнеописательной прозы, в том числе использование Я-нарратива, присущего жанру автобиографии. Писатель стремится не только создать целостный образ драматурга и заполнить биографические лакуны, но и отразить атмосферу елизаветинской эпохи, органично вписывая жизнь героя в исторический контекст.*

***Ключевые слова:** К. Раш, У. Шекспир, рецепция, беллетризованная биография, елизаветинская Англия, Я-нарратив.*

***Abstract.** The article examines the specifics of Shakespeare's legacy reception in C. Rush's «Will», which addresses the traditional understanding of the playwright's life through the prism of his work and uses a biographical approach to the interpretation of canonical texts. The author creates a syncretic novel, combining the typical features of various life-descriptive prose modifications, including the I-narrative typical to autobiographies. The writer strives not only to create a holistic image of the playwright and fill in biographical gaps, but also to reflect the atmosphere of the Elizabethan era, smoothly fitting the hero's life into the historical context.*

***Keywords:** C. Rush, W. Shakespeare, reception, fictionalized biography, Elizabethan England, I-narrative.*

Литературное наследие У. Шекспира (*William Shakespeare*, 1564–1616) считается одним из краеугольных камней западного канона и является неотъемлемой частью современной культуры, как элитарной, так и массовой. При этом канонизация творчества неизбежно влечет за собой возвеличивание и мифологизацию фигуры драматурга как исторической личности (достаточно вспомнить зародившийся в период романтизма и достигший пика во время правления королевы Виктории «культ Шекспира»), что, в свою очередь, обеспечивает непреходящий

интерес писателей и исследователей к деталям биографии классика. Стоит отметить, что во второй половине XX – начале XXI века наблюдается тенденция к пересмотру истории, ремифологизации событий и персоналий. Отчасти это можно объяснить отказом от однозначности повествования, установкой на возможность существования множественных истин и признанием относительности бытия – принципами, унаследованными от эпохи постмодернизма и сохраняющимися актуальными на рубеже веков. Кроме того, ряд документальных свидетельств о жизни У. Шекспира обнаруживается только в конце XIX – начале XX века. В связи с этим возникает закономерная необходимость в замене и переписывании текстов, утративших значимость.

В 1707 году выходит первая биография У. Шекспира «Некоторые сведения о жизни и прочем мистера Уильяма Шекспира» (*Some Account of the Life & c. of Mr. William Shakespear*), написанная поэтом и драматургом Н. Роу (*Nicholas Rowe*, 1674–1718) на основе довольно скудных сведений о жизни барда, которые были представлены в качестве немногочисленных упоминаний в работах современников и рассказов жителей Стратфорда. С тех пор жанр претерпевает значительные изменения, особенно в течение последних десятилетий прошлого столетия. В настоящее время биографии представителей творческих профессий, в первую очередь – писателей, становятся распространенной формой литературной критики. Наряду с академическим типом жизнеописания популярность обретают многочисленные жанровые модификации биографического и исторического романов. Для них, как правило, характерны смесь вымысла и реальности, динамизм действия, драматизация повествования, отсутствие точности в воспроизведении событий, отказ от хронологического принципа в пользу сюжета. Одной из главных составляющих современной биографии является характеристика (*characterization*) как создание образов исторических личностей, «очеловечивание», наделение их яркими чертами. Реальный человек становится частью художественной действительности.

Стоит отметить, что, начиная с появления и распространения формулы *life and works of* в XIX веке, традиционной формой рецепции жизни писателя становится литературная биография, главный принцип которой заключается в идее о наличии прямой связи между эмоциональным состоянием автора и его творчеством, о том, что личность автора и его рефлексия над происходящим вокруг неизменно находят отражение в процессе создания художественного произведения. В результате литературная биография становится своеобразным толкованием текстов с позиций автобиографизма, попыткой найти связи между событиями и словами. Однако необходимо помнить, что художественный мир нельзя приравнивать к действительности, а героя – к автору романа, стихотворения или пьесы. В рамках западного литературоведения существует разделение на автора биографического, автора-творца и имплицитного автора в его внутритекстовом воплощении.

Исторические свидетельства также позволяют лишь выделить этапы жизненного пути известной личности и установить их хронологический порядок, но не способствуют установлению причинно-следственных связей и контекстуализации.

В случае с У. Шекспиром сохранилось довольно большое количество документов, касающихся финансовых и юридических вопросов, но о межличностных взаимоотношениях барда известно мало в сравнении с некоторыми его современниками. Отсутствие контекста дает историкам и писателям пространство для многочисленных манипуляций и интерпретаций событий и фактов с целью заполнить биографические лакуны, создать цельный образ У. Шекспира-человека в противовес У. Шекспиру-драматургу и предпринимателю, что, в свою очередь, способствует ре- и демифологизации канонической фигуры. На мой взгляд, в связи с этим показательны слова из статьи «Введение: Шекспир и “личная история”» (*Introduction: Shakespeare and ‘the personal story’*) Г. Холдернесса (*Graham Holderness*) и К. Шейл (*Katherine Scheil*): «Creative writers give free reign to the imagination, and produce, out of the raw biographical facts and the mysterious connections between life and works, overtly fictional biographies that nonetheless demonstrate a surprising plausibility, and exercise a curious compulsion over the popular imagination. Here the ‘personal story’ tends to align with the impersonal patterns of myth and legend» («Писатели дают волю воображению и создают из сухих биографических фактов и непостижимых связей между жизнью и творчеством вымышленные биографии, которые, тем не менее, отличаются большой степенью правдоподобия и воздействуют на фантазию массового читателя. Здесь ‘личная история’ имеет тенденцию совпадать с безличными образцами мифов и легенд» – перевод здесь и далее мой. – Я. А.) [5, р. 2].

Биографический подход к творчеству стратфордского барда реализует современный шотландский писатель, литературовед и переводчик К. Раш (*Christopher Rush*, р. 1944) в романе «Завещание Шекспира» (*Will*, 2007, очевидна игра слов в английской версии), который является объектом исследования настоящей статьи. Специфика данного романа заключается в том, что в качестве нарративной стратегии автор избирает повествование от первого лица, тем самым создавая текст исповедального характера, автобиографию У. Шекспира, рассказанную им самим. Слушателем и комментатором выступает адвокат Ф. Коллинз (*Francis Collins*, ум. 1617), а сюжетным стержнем становится процесс обсуждения и написания завещания драматурга, которое было составлено за месяц до его смерти, в конце марта 1616 года, и содержание которого до сих пор вызывает множество вопросов и споров среди шекспироведов. Исследователи изучают документ в поисках подсказок, которые помогли бы установить, каковы были религиозные убеждения барда, его отношения с членами семьи и коллегами и т. д. К. Раш предлагает читателям свой взгляд на жизненный путь английского классика, так как

любая биография предполагает наличие субъективной интерпретации и оценки исторических событий, о чем Р. Барбер (*Rosalind Barber*) в статье «Изучая беллетризованные биографии: роль воображения в создании и прочтении нарратива» (*Exploring biographical fictions: The role of imagination in writing and reading narrative*) пишет следующее: «Historical biographers construct narrative by imaginative interpretation of evidence. Writers' biographies are commonly written not by historians but by literary critics, who draw extra biographical 'evidence' from interpreting the author's works. But interpreting the works is a highly subjective exercise, and the story we find there may depend upon the story we are looking for» («Нарративная стратегия историков заключается в художественной интерпретации имеющихся документальных свидетельств. Биографии писателей обычно пишут не историки, а литературоведы, которые извлекают дополнительные биографические "доказательства" посредством интерпретации произведений автора. Но интерпретация текстов – процесс субъективный, и история, которую мы там находим, может зависеть от истории, которую мы ищем») [3, p. 165].

Композиция романа К. Раша строится на обсуждении различных отрывков из подлинного завещания У. Шекспира. Вместе с тем герой уходит от непосредственно составления документа к рассказу о своей семье, жизненных перипетиях и создании пьес и сонетов. «Завещание Шекспира» напоминает внутренний монолог или солилог с диалогическими вставками, что объясняет большое количество лирических отступлений, например, описаний природы в Стратфорде и грязных улиц Лондона, а также размышлений о природе искусства и назначении театров, которое Уилл видит в обнажении человеческой природы с помощью пьес-иллюзий: «Will you hear the will? – the words required by law, the skeleton text, the narrow facts, the miserly truth, the last anxious dictates of a spidery hand, the spindly paring down of language to one unquestionable unambiguous deed. Or shall it be a soliloquy spoken from the shroud? If so, then I'm your man, an old actor, after all» [6, p. 4] («Что вы на это скажете? Хотите ли вы услышать завещание, как того требует закон, – голые факты, запротокколированные по существу, скупую правду, последнее беспокойное предписание костлявой руки, изложенное языком, тщательно очищенным до непреложно однозначного документа с печатью? Или монолог человека, одетого в погребальный саван? Мне идет эта роль: как-никак я старый лицедей, актер со стажем» [2, с. 4]). Повествование выходит за рамки жизни барда, что нехарактерно для классической биографии, и затрагивает историю рода и происхождение фамилии (данную предку героя за боевые заслуги), вступление в брак родителей, смерть старших детей и другое. Кроме того, в эпилоге в качестве нарратора выступает драматург-призрак, который обобщает итоги жизненного и творческого пути, приводит сведения о членах семьи вплоть до конца шекспировского рода. Сквозным мотивом как земного существования и загробной жизни, так

и творчества Уилла становятся чувство вины и ощущение потери, связанные со смертью единственного сына Хамнета.

Важно заметить, что каждое описываемое героем событие сопровождается связанными с ним, по мнению автора романа, прямыми и косвенными цитатами и аллюзиями из художественных произведений классика. Более того, шотландский писатель вплетает в текст ряд отсылок к работам таких известных современников У. Шекспира, как Ф. Сидни (*Philip Sidney*, 1554–1586), У. Рэли (*Sir Walter Raleigh*, ок. 1554–1618), Р. Грина (*Robert Greene*, ок. 1558–1592), Т. Кида (1558–1594), К. Марло (*Christopher Marlowe*, 1564–1593), Т. Нэша (*Thomas Nashe*, 1567 – ок. 1601), Д. Донна (*John Donne*, 1572–1631), Дж. Вебстера (*John Webster*, 1578–1634) и других. При этом Уилл нелестно отзывается о соперниках-елизаветинцах, которых можно отнести к кругу так называемых «университетских умов», то есть авторов ученой драмы конца XVII века, имеющих образование Кембриджского или Оксфордского университетов. Он называет их завистливыми, продажными и высокомерными развратниками, выделяя только талант К. Марло, но признавая, что его пьесам не хватает близости к простому народу. Как отмечается в послесловии-примечании к роману, К. Раш сознательно допускает в биографии анахронизмы и неточности, к которым, например, можно отнести цитирование героем отрывка из поэмы Т. С. Элиота (*Thomas Stearns Eliot*, 1888–1965) «Бесплодная земля» (*The Waste Land*, 1922), посвященного реке Темзе.

Особое внимание в романе «Завещание Шекспира» уделяется отношениям У. Шекспира с женщинами, в первую очередь – с женой Энн, и теме сексуальности. Одним из самых спорных пунктов в завещании драматурга наряду с вопросом о том, почему в него не включены собственно пьесы и сонеты, является наследование вдовой «второй по качеству кровати» (*second best bed with the furniture*). В этом распоряжении можно рассмотреть как проявление сентиментальности и желание сохранить воспоминания о супружеской жизни (лучшая кровать по обычаю предоставлялась гостям, а не стояла в спальне хозяев), так и признак пренебрежения по отношению к покинутой на годы жене, возможно, показатель сожаления. К. Раш в толковании данного мотива придерживается второй точки зрения. В романе распространение миф о вечно ворчливой жене, которая не в состоянии понять гения, не умеет писать и читать и не стремится к постижению нового. Автор создает образ угрюмой и немногословной Энн (*Mistress Mine*), на лице которой застыло выражения неодобрения. Уилл отрицает возможность единения с женой даже после смерти, запрещая ей разделить с ним могилу. Брак с более зрелой женщиной представляется неравным и, вероятно, подстроенным. Герой подчеркивает холодность семейных отношений, отсутствие совместного быта и взаимопонимания: «Maybe you're right, Francis, maybe there is a little drama in this document after all. Not what I've written but what I haven't written that

speaks eloquently enough – about the hell of enforced wedlock. Plenty of that in the plays, if you look for it, missing wives, wives neglected, wives shut out, lovers mismatched, married in haste, married too young, virgin knots untied too soon...» [6, p. 439] («Может, ты и прав, Фрэнсис, возможно, и в этом документе есть своя маленькая драма. Не в том, что я написал, а в том, о чем я умолчал. Он красноречиво говорит об аде навязанной женитьбы. В моих пьесах полно отвергнутых и забытых жен, молодых влюбленных, опрометчиво связавших себя узлами брака, и узлов девственности, развязанных слишком скоро» [2, с. 472]). Лаконичный текст стандартного завещания становится вместилищем множества смыслов и чувств, которые прочитываются между строк.

Вместе с тем в жизни мужчины постоянно присутствуют другие женщины, которым он посвящает часть сонетов, что соответствует устоявшемуся в критике биографическому подходу к интерпретации лирики У. Шекспира. Так, в качестве прототипа Смуглой Леди (*The Dark Lady of the Sonnets*) выступают жена издателей Т. Вотролье (*Thomas Vautrollier*, ум. 1587) и Р. Филда (*Richard Field*, 1561–1624), земляка барда, француженка Ж. Вотролье (*Jacqueline Vautrollier*, ?) и английская поэтесса Э. Ланье (*Aemilia / Amelia Lanyer*, 1569–1645). Более того, герой упоминает об интимной связи с владелицей одного из лондонских публичных домов Негритянской Люси, или Черной Люс (*Lucy Negro, Black Luce*). Посвящение сонетов мужчине в романе объясняется сложными взаимоотношениями У. Шекспира с покровителем Г. Ризли, графом Саутгемптоном (*Henry Wriothesley, 3rd Earl of Southampton*, 1573–1624), которые нельзя назвать ни любовью, ни дружбой. Стоит отметить, что до недавнего времени историки и писатели предпочитали умалчивать гипотетически возможную привязанность классика к мужчине, эта тема была табуирована. С фигурой Ризли в романе также связывается написание эротической поэмы «Венера и Адонис» (*Venus and Adonis*, 1593), комедий «Укрощение строптивой» (*The Taming of the Shrew*, 1590–1592) и «Два веронца» (*The Two Gentlemen of Verona*, 1591–1595), трагедии «Ромео и Джульетта» (*Romeo and Juliet*, 1595) и другие.

В «Завещании Шекспира» К. Раш стремится не только создать портрет У. Шекспира-личности, но и отразить атмосферу елизаветинской эпохи, органично вписывая жизнь героя в исторический контекст, что позволяет отнести произведение к жанру историко-биографического романа. Трудно не согласиться с тем, что в той или иной форме в творчестве писателя находят отражения социальные и духовные веяния определенного периода. Шотландский автор создает яркие и правдоподобные образы провинциального Стратфорда и многолюдного Лондона, «the age, hot with whores and history» [6, p. 185] («средоточия эпохи, раскаленной добела историей и шлюхами» [2, с. 166]), рубежа XVI–XVII веков. Говоря об истории своей семьи и вспоминая жизнь в столице, Уилл одновременно вызывает в памяти события, определившие облик современной ему Англии: восшествие

на престол королевы Елизаветы, казнь Марии Стюарт, правление Генриха VIII и разрыв связей с католической церковью, гонения католиков и приход протестантского аскетизма на смену привычным религиозным обрядам, эпидемии чумы (одна из которых повлияла на создание трагедии «Тит Андроник» (*The Most Lamentable Romaine Tragedie of Titus Andronicus*, 1594)) и вспышки заболевания тифом, расцвет театрального искусства и появление враждебного ему пуританства, отголоски Варфоломеевской ночи и создание Верховной комиссии, разгром испанской Армады и казнь Эссекса (откликом на которую стала поэма «Феликс и Голубка» (*The Phoenix and the Turtle*, 1601)), приход к власти короля Якова и Пороховой заговор, который зарезал сон лондонцев, как герой трагедии «Макбет» (*The Tragedy of Macbeth*, 1606). Кроме того, в романе есть отсылки к английскому фольклору, к примеру, истории о ведьмах и призраках, народные поверья. Символами городской жизни времен У. Шекспира можно считать образы скотобойни, психиатрической больницы Святой Марии Вифлеемской (Бедлама) и тюрьмы-рабочего дома Брайдуэлл. В конце романа герой признает себя создателем английского мифа, воплощенного в пьесах, но не истории реального государства.

На основании вышесказанного представляется возможным утверждать, что основой романа К. Раша «Завещание Шекспира» является синкретическая рецепция жизни и творчества канонизированного автора в рамках исторического контекста, реалий елизаветинской эпохи. Следовательно, форма данного художественного произведения – это жанровая модификация биографического романа, содержащая черты таких его разновидностей, как историко-биографический роман и литературная биография. Более того, заимствование характерных для автобиографии повествовательных стратегий и использование Я-нарратива позволяет шотландскому писателю легализовать наличие в нем элементов вымысла и обобщения, а также субъективность оценки описываемых событий. На мой взгляд, целесообразным является рассмотрение «Завещания Шекспира» в качестве примера романтизированной («психологизированной» [1]) биографии, или беллетризованного романа / художественно-психологизированной прозы, которой в западном литературоведении соответствуют такие терминологические эквиваленты, как *biographical fiction*, *imaginative writing*, *creative fiction*, *fictionalized biography* и т. д., так как в нем предпринимается попытка с опорой на аутентичные документальные свидетельства раскрыть внутренний мир реальной личности.

Таким образом, в романе «Завещание Шекспира» современный шотландский писатель К. Раш обращается к традиционной рецепции жизни У. Шекспира сквозь призму его творчества и использует биографический подход к толкованию канонических текстов. Автор создает роман синкретического типа, сочетая характерные черты различных модификаций жизнеописательной прозы, в том числе использование Я-нарратива, присущего жанру автобиографий, что оправдывает

элементы вымысла и субъективную оценку шекспировского канона. Специфика композиции заключается в выстраивании повествования вокруг цитат из завещания, в обыгрывании отрывков из пьес и сонетов. Хронотоп линейный, однако «воспоминания» героя выходят за рамки его жизни. Автор стремится не только создать целостный образ драматурга и заполнить биографические лакуны, но и отразить атмосферу елизаветинской эпохи, органично вписывая жизнь героя в исторический контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумова, О. А. Англоязычная беллетризованная биография последних десятилетий: мемуарно-художественная документальность и образы Сибири в «Истории Ольги» С. Вильямс / О. А. Наумова // Филология и культура. – 2016. – № 4 (46). – С. 237–242.
2. Раш, К. Завещание Шекспира / К. Раш; [пер. с англ. А. Куркиной-Раш]. – СПб: Издательство «Пальмира», 2018. – 479 с.
3. Barber, R. Exploring biographical fictions: The role of imagination in writing and reading narrative / R. Barber // Rethinking History. – Taylor & Francis, 2010. – Vol. 14. – No. 2. – P. 165–187.
4. Holderness, G. 'Author! Author!': Shakespeare and Biography / G. Holderness // Shakespeare. – 2009. – Vol. 5. – P. 1–18.
5. Holderness, G. Introduction: Shakespeare and 'the personal story' / G. Holderness, K. Scheil // Critical Survey. – 2009. – Vol. 21. – No. 3. – P. 1–5.
6. Rush, C. Will / C. Rush. – Edinburgh: Polygon, 2014. – 496 p.
7. Wood, D. The Role of the Narrator in Literary Biography / D. Wood // Middlebrook South Central Review. – 2006. – Vol. 23. – No. 3. – P. 5–18.